

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. ВАГРИЦКОГО**, **А. ВОЛОТНИКОВА**,
М. КОЛЬПОВА, **В. ЛИДИНА**, **А. СЕЛИВАНОВСКОГО**, **В. СЕЛВИНСКОГО**,
М. СУБОЦКОГО, **М. СЕВЕРЯНСКОГО**, **М. ЧАРНОГО**, **Е. УСИВЧИХ**.

№ 150 (466)

10 НОЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Наша стоана превращается в мировой центр науки и культуры. Под знаменем социалистической культуры вступаем мы в XVIII год пролетарской революции.

СЕМНАДЦАТЫМ

ЧАСЫ БЫЮТ ДЕСЯТЬ. Нарком обороны вышагает на площадь. Встреченный приветственными криками выстроившихся в ряд войск в эполетных трибунах знатных людей, он всходит на трибуну мавзолея и поздравляет всех трудящихся с XVIII годовщиной Октября. Он говорит о победах социализма, к которым привела страну великая коммунистическая партия. Он говорит о Сталине — кормце, вожде и друге каждого строителя социализма. Пролетарским гимном, мощным ура отвечает ему площадь. Так начинается торжество. Оно начинается оркестрами, приветственными криками, раскатами оружейного салюта. Даже многократно виденные уже этот торжественный ритуал победившей страны, даже они снова потрясены величием этой музыки. А те, кто впервые на трибунах, — лучшие колхозники Московской области и дальние гости с Запада, — они внимают напряженно и восторженно, они боятся упустить хотя бы единый звук этой замечательной симфонии.

И они обращают взоры туда, где на ленинском мавзолее — водители страны, те, кто победоносно прошли страну через все испытания. Здесь Сталин, чей облик, как и дела, знаком каждому человеку земли. Здесь Молотов, Каганович, Калинин, Андреев, Рудзутак, Жданов, Енукидзе, Барбус, Димитров и др.

Мимо мавзолея проходят пролетарские полководцы, проходят летчики, покорившие высоты, проходят инженеры, овладевшие сложнейшей техникой Красной армии. Если наступит час, они, во главе бесчисленных отрядов, железной, бронированной стеной защитят республику труда.

За ними на площадь вступают партизаны и красногвардейцы. По возрасту могли бы все они украсить борозды, ибо еще полтора десятка лет тому назад с оружием в руках отстаивали они революцию. Но не хотят выпускать винтовок из рук и теперь. Они идут, украшенные значками воронцовских стрелков, эта железная, проверенная огнем гвардия пролетариата. На поприще мирного труда не забыли они, как пахнет мушка на грудь врага. Они усовершенствовали свое оборонное умение. Пусть только посягнет враг на наши границы!

Пролетает кавалерия на конях. Гудя и скрежеща железными частями, проезжают техника, мобилизованная для защиты страны: бронированные автомобили, моторизованная пехота, танки. Над площадью пролетают эскадрильи самолетов — бомбардировщики, истребители, разведчики.

ДЕСЯТЬ КОЛОНИ. И вот десять районов столицы разом вступают на Красную площадь. Десять колонн одновременно проходят через нее. Величайшая организованность, составляющая секрет победы этих людей, и воспитанная коммунистической партией, не оставляет их и здесь, на празднике. Они несут эмблемы победы. Пролетарский район выполнил десятилетнюю программу на 103 процента. Не отстали от него и краснопресненцы. Но рабочие Электробыната выполнили программу на 109 процентов. Колхозники, подшефные предприятиям Ленинского района колхозов, проносят откормленных птиц, душистые дыни, круты лантарного масла, золотые снопы пшеницы, зажиточные снопы деревни проходят перед мавзолеем.

И снова «Интернационал». Но теперь он уже доносится с неба. Он гремит, покрывая все звуки. Люди поднимают головы. Это огромный самолет, несущий имя великого пролетарского писателя, это «Максим Горький», летит над площадью, приветствует ее музыкальной своей радиостанцией.

Шествующие в рядах пролетарии не забывают и о событиях, происходящих за границами страны. Над рядами пролетариев чужды фашистских поджигателей войны.

— Свободу Тельману! — грозно требует рабочая Москва.

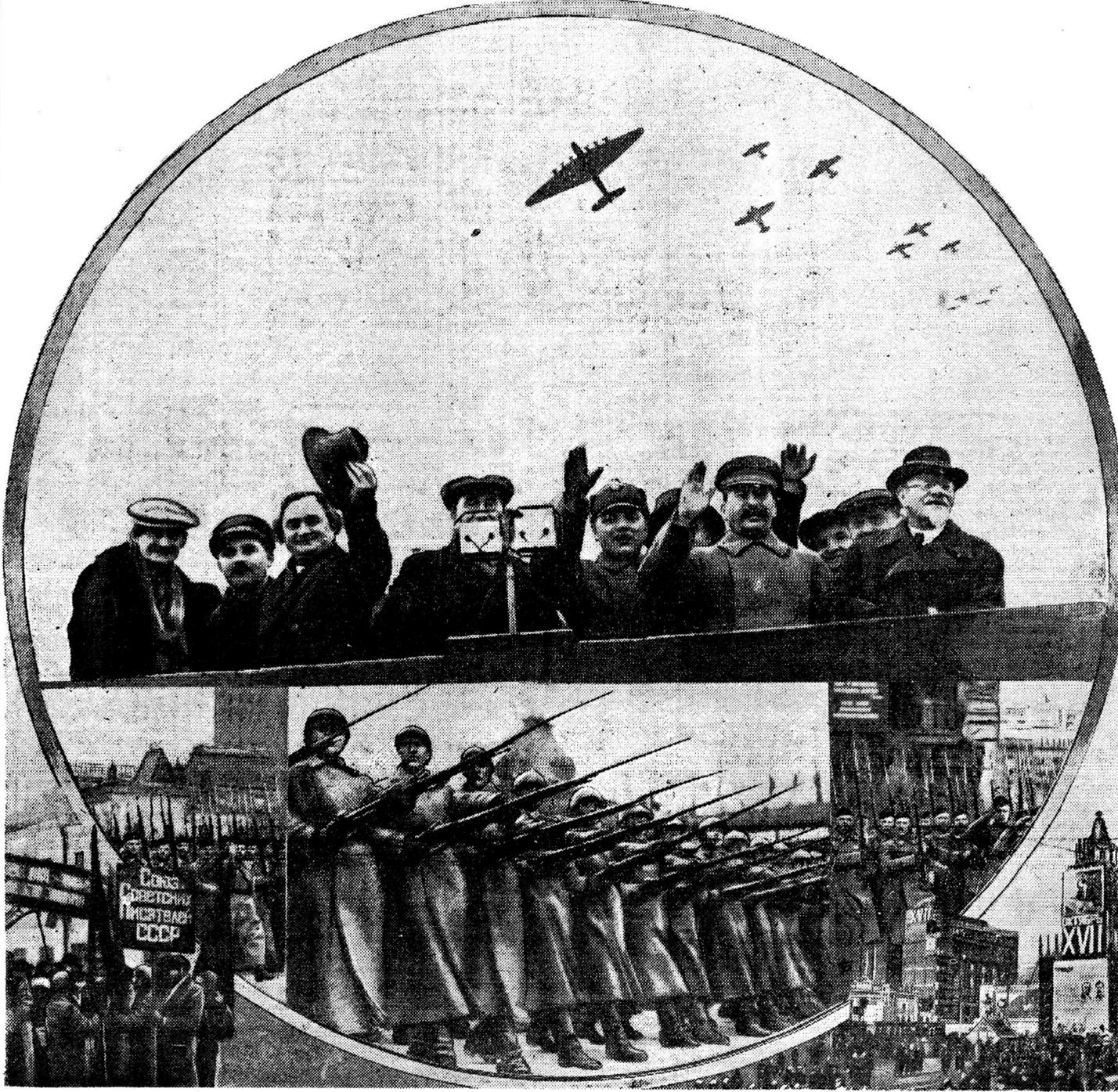
Все многообразие советской действительности отражают лозунги, начертанные на знаменах и произносимые демонстрантами:

— Выберем лучших ударников в совет! — этот лозунг встречается чаще всех.

— Науку на службу социализма! — этот лозунг несут работники Академии, впервые проходящие в торжественный день Октябрьской годовщины через Красную площадь.

— Мы учимся хорошо! — это шут школьника...

Вечером Москва залита огнями иллюминации. Бесконечные потоки людей, бесконечные ленты автомобилей движутся по ее улицам. И, смотрите, у всех подняты головы ввысь. Она любит свою Красную столицу, столь быстро и разительно изменившей свой облик. Новые огромные дома украшают ее. Новые проспекты проложены в путанице старых изогнутых улиц. Они покрыты свежим асфальтом. Они широки. — таких проспектов и перспектив не знала старая Москва. Они торжественно украшены, и темы плакатов, транспарантов, сдвигаются в картинной окантовке — замечательное зрелище Октябрьского метро, канал Волга—Москва и другое, что делает Красную столицу благоустроеннейшим городом мира.

По Советскому Союзу

ДОГОВОР МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ И ЛЕНИНГРАДА

ТИФИЛИС (наш корр.). На днях литературной группой «Резец», объединяющей начинающих писателей Ленинграда, заключен в Тифлисе с начинающими писателями Грузии социалистический договор о регулярном обмене творческим опытом.

Договор предусматривает проведение совместных литературных вечеров в рабочих клубах, организацию выездов совместных бригад в колхозы и совхозы Грузии и Ленинграда, совместные поездки в различные области периодический выпуск литературных сборников на грузинском и русском языках.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС К ПЕРЕВЫБОРАМ СОВЕТОВ

ОРЕХОВО-ЗУЕВО (наш корр.). В связи с первыми выборами советов редакцией районной газеты «Колотушка» объявлен литературный конкурс на лучший рассказ и очерк на ленинские и борьбы орехово-зуюевских текстильщиц за лучшую ткань в мире, за социалистический город.

Литературная группа при редакции «Колотушки» постановила принять активное участие в первичных выборах и в объявленном литературном конкурсе.

С И Б И Р С К И Й Д Е Т С К И Й Ж У Р Н А Л

НОВОСИБИРСК (наш корр.). Детская секция Западносибирского ССП совместно с краевым отделением ОГПЗ приступает к изданию в Новосибирске детского литературно-художественного журнала «Товариш». Журнал будет выходить раз в месяц. Первый номер выйдет в начале января.

ПОВЫСИТЬ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ

На собрании коммунистов-писателей Харькова

ХАРЬКОВ (наш корр.). На объединенном пленуме киевского обкома и областного комитета 17 октября П. П. Постышева подчеркнул, что «остатки контрреволюционного троцкизма блокируются сейчас у нас на Украине как с украинскими националистами, так и с русскими великодержавниками. Соединяя свои силы, они пытаются и теперь вести контрреволюционную работу в наших вузах, научных учреждениях, на селе, притом характерно, что в борьбе против партии эти обломки контрреволюционного троцкизма также использовали пропаганду национал-шовинизма, как и «чистые» националисты, вли в шовинистической и националистической пропаганде оружие борьбы против партии, против ее ленинского руководства».

Это указание П. П. Постышева легло в основу состоявшегося на днях открытого собрания харьковской парторганизации писателей.

С большим докладом о повышении большевистской бдительности на идеологическом фронте выступил И. Микитенко. Детально проанализированы все вопросы, поставленные П. П. Постышевым, т. Микитенко подробно осветил поведение двух членов харьковской парторганизации писателей — поэта В. Сосюры и критика В. Коряка.

В. Сосюра, молчаливый в течение длительного времени и сохранявший пошлую пассивность в той ожесточенной борьбе, которая велась на Украине против националистов, заседал на различных участках литературы, написал сейчас новую поему «Разгром». Эта поэма, от первой до последней строки, является мажорно-националистическим произведением, клеветой на нашу действительность.

Идеализируя врагов партии, восторженно относился к хмельному, Сосюра в «Разгrome» искажает исторические события на Украине, оценивая их с антипартийных позиций и тем самым объективно содействует украинскому национализму и контрреволюционному троцкизму.

Другой член парторганизации — критик В. Коряка, имевший в прошлом большое количество националистических в троцкистских ошибках, на партийной чистке обязался развернуть широкую критику своих ошибок. Этого большевистской реализацией этого обязательства, долгое время отмалчивавшийся Коряка вновь допустил сейчас и в своих работах и как преподаватель Харьковского государственного университета ряд грубейших националистических ошибок. Ошибки эти оформились уже в определенную систему националистических выводов.

Доклад т. Микитенко подвергся горячему обсуждению. И писатели-коммунисты т. т. Усенко, П. Лисовый, В. Кузьмин, А. Гильдия и др. и беспартийные т. т. Ю. Смолчиз, Антон Крутецкий полностью солидаризовались с оценками и с выводами, данными в докладе т. Микитенко.

Т. Я. Городской и И. Фейер подчеркнули, что наша критика не разрывает связи великодержавных элементов с украинскими националистами и троцкистами.

ИССЛЕДОВАНИЯ О КЛАССИКАХ

САРАТОВ (наш корр.). По инициативе краевой газеты «Волжская коммуна» в ближайшее время организуется исследование и публикация материалов о пребывании на территории нынешнего Средневолжского края: Пушкина в Оренбурге, Тараса Шевченко в Орске, Карамзина и Гончарова в Ульяновске, Салтыкова-

Щедрина в Пензе, Лермонтова в Тархандах, Белкинского и Каменского-Белинского, Маяковского в Самаре, пребывания Маяковского в Самаре работа А. Трелова, отрывки из которой печатаются в местном журнале «Волжская долина».

В резолюции отмечается, что парторганизация писателей после проведения на высоком уровне чистки писателей-коммунистов не развернула, однако, в достаточной мере повседневной массовой партийной работы, которая надлежащим образом обеспечивала бы углубленную большевистскую бдительность, систематическую партийную и широкую работу с беспартийным активом.

«ИСТОРИК-БОЛЬШЕВИК»

ХАРЬКОВ (наш корр.). Парторганизация ЦК КП(б)У выпустила первый номер журнала «Историк-большевик», органа института истории ВУАМЛПИ. Журнал редактирует коллектив в составе: М. Иллериго (отв. редактор), Н. Гребенник, Т. Скубицкий, Н. Трегубенко. Журнал выходит на украинском и на русском языках.

«ИСТОРИК-БОЛЬШЕВИК»

ХАРЬКОВ (наш корр.). Парторганизация ЦК КП(б)У выпустила первый номер журнала «Историк-большевик», органа института истории ВУАМЛПИ. Журнал редактирует коллектив в составе: М. Иллериго (отв. редактор), Н. Гребенник, Т. Скубицкий, Н. Трегубенко. Журнал выходит на украинском и на русском языках.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР В МИНСКЕ

МИНСК (наш корр.). Закончился объявленный правительством БССР конкурс на лучший проект здания Большого государственного театра.

Для строительства театра отведена одна из крупнейших площадей города — площадь Парижской коммуны.

Жюри одобрило проект театра, разработанный архитектором Лангбардом. Здание театра будет на два метра выше 11-этажного дома правительства, недавно возведенного в Минске. Вместимость партера — 2550 мест.

10.000 УЧАСТНИКОВ

ХАБАРОВСК (наш корр.). Делегаты всесоюзного съезда писателей Шабанов, Кульгин и Гай выступили с отчетными докладами в Хабаровске, Владивостоке, Сучане, Благовещенске, Никольск-Уссурийске, а также в колхозах Украинской, Тамбовской МТС. Кроме того делегаты отчитывались перед бойцами ОВД. На вечерах присутствовало свыше десяти тысяч трудящихся края. Активное участие в популяризации решений съезда приняли т. т. Фадеев, Папенко и Гидаш.

На крупных заводах, рудниках, новостройках ДВК организуется 24 коллектива начинающих авторов.

Миллионы радостных и бодрых строителей социализма праздновали XVII годовщину великой Октябрьской революции.

СЕМНАДЦАТЫМ

В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ. Вечером 6 ноября рабочие, красноармейцы, ученые, инженеры, хозяйственники, гости из районов Московской области, делегация зарубежных пролетариев собрались на торжественный пленум Моссовета в огромном зале Большого театра. Ирусы и трибуны, украшенные лозунгами, зовут к новым боям за социалистическое строительство, за укрепление советов — органов пролетарской диктатуры.

— Да здравствует великое непобедимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина! — вызывают красные полотнища.

В семь часов на трибуну появляется т. Сталин. Вместе с ним тт. Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Жданов, Енукидзе, Киселев, Хрущов, Филатов, Бугганин и др. Навстречу им несет восторженная дога не смолкающая овация.

Торжественное заседание открывает председатель Моссовета т. Бугганин. Он говорит о величайших завоеваниях рабочего класса, строящего свое хозяйство, создающего новую радостную жизнь. Вторая пятилетка поднимает страну на еще большую высоту. Это ярко видно на примере хозяйственного и культурного роста Московской области. Тов. Бугганин иллюстрирует это положение многочисленными примерами и цифрами.

В почетный президиум единогласно, под восторженными приветствиями присутствующих, избираются тт. Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев, Киров, Андреев, Косиор, Чубарь, Микоян, Петровский, Постышев, Рудзутак, Жданов, Тельман.

Затем т. Бугганин представляет слово т. М. И. Калинин. Горячо встреченный собранием, всесоюзный староста докладывает о пути, пройденном страной, о ее успехах в области индустрии, сельского хозяйства и культуры.

Далее пленум, под бурные аплодисменты, принимает предложение послать приветствие ЦК ВКП(б)—т. Сталину. Приветствия посылаются правительству СССР — т. Молотову и Калинин, Красной армии — т. Ворошилову и Исполкому Коммунистического интернационала.

СТРАНА. Вся огромная страна торжественно праздновала XVII Октябрь. Она встречала его стройными рядами демонстраций, новыми победами.

— Особо торжественно прошла октябрьские торжества в Ленинграде, где присутствовали на них делегация рабочих США, Англии, Дании, Швеции, Норвегии и Канады. Северная верфь и Балтийский завод рапортовали моделями новых судов об успехах в строительстве морского флота. Рабочие завода «Промтехника» выпустили на площадь воздушный шар, сделанный из материалов, идущих на постройку стратостатов. Овладение сложнейшей техникой продемонстрировали рабочие заводов им. Будякова, им. Козицкого, завода «Коминтерн», «Вулкан», «Электрик» и др. Шубундовцы пронесли боевые лозунги, призывающие к борьбе с мировым фашизмом. Вечером на площади Урядного состоялось грандиозное народное гуляние.

— В Свердловске знатные люди Урлаша показали на смотре пролетарских сил свои достижения. Они закрепили машины наиболее известных мировых фирм машинами советской марки «УЗТМ».

— В Ростове демонстрировало более 250 тысяч трудящихся. Представленные на торжестве новые машины — комбайн «Сталин-2» и др. — показали успехи советского сельхозмашиностроения.

— В Хабаровске мимо трибуны, на которой собрались руководители края и Революенный ОВД на главе с т. Влохором, мимо дипломатической лодки, в которой присутствовали представители Японии и других государств, имеющих консульства в Хабаровске, прошли кощные ряды Красной армии, демонстрируя готовность непоколебимо отстаивать границы Советского союза.

— В Новосибирске колонны демонстрантов возмужавших коллективом краснознаменного завода «Труж», оловяного производства машин для золотой промышленности.

— В Ярославле колонны пролетариев рапортовали плакатами о введении в эксплуатацию первой очереди ТЭЦ, повышении качества советского каучука и выполнении десятилетней программы автозавадом на 101 процент.

— В Сталинске, этом городе, созданном революцией, первыми шли в рядах демонстрации — победители на всесоюзном конкурсе.

— В Горьком демонстрировало более 200 тысяч трудящихся.

— В Нальчике собрались на походах и верхом колхозники на ущелье горной Балкарии с победными рапортами о ликвидации бескорррупции, об открытии новых школ, клубов, радиоточек.

ПОЛЬСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
О СОВЕТСКИХ
КНИГАХ

Польская печать и в особенности «Wiadomosci Literackie» в последние время уделяют много внимания советской литературе, в том числе конкретному обсуждению отдельных произведений. Среди других заслуживает внимания статья известного польского поэта Юзефа Виттлина, помещенная на первой странице газеты «Wiadomosci Literackie» и посвященная «Тихому Дону» Шолохова, «Цусиме» Новикова-Прибоя и «Тропе самураев» Рубинштейна.

В первой части своей статьи Ю. Виттлин говорит о характере этих произведений, типичном для всей нашей художественной литературы: уверенном спокойствии, с одной стороны, и доступности для масс, с другой. Он осуждает изощренность и утонченность современной западной литературы, предназначенной для гурманов; он иллюстрирует свою мысль ссылкой на последнее произведение Томаса Манна «Иосиф и его братья», для понимания которого «надо знать не только Библию, но и астрономию египетскую, халдейскую, вавилонскую».

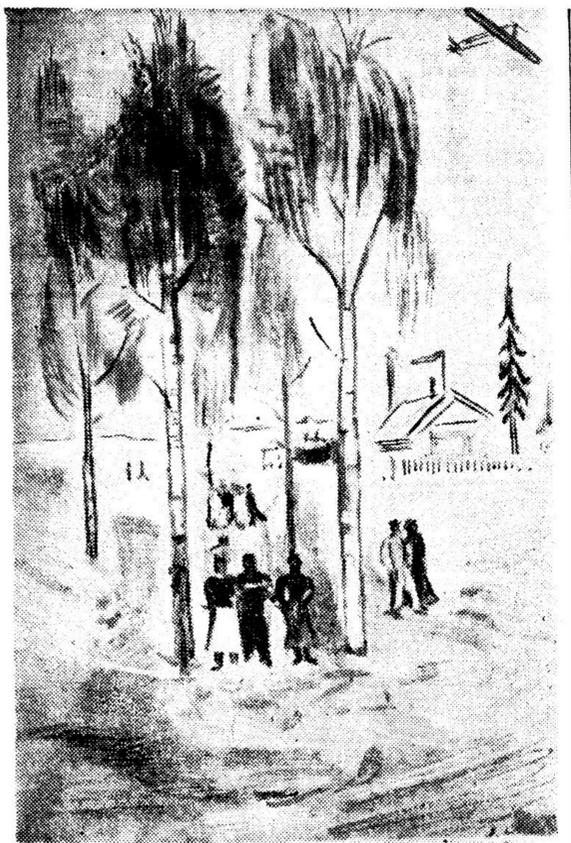
Виттлин отдает предпочтение разбираемым им советским произведениям. Он призывает писателей обратиться к читателям застрявшего дня, т. е. «неиспорченным, скромным и честным трудящимся массам».

Переходя к разбору «Тихого Дона», Ю. Виттлин пишет:

«В нем мы видим, если можно так выразиться, «мозг жизни» донских казаков во время мира и во время войны. Книга, написанная с большим темпераментом, вся кипит страстью людей, наполненными духом, половиной нежных и сентиментальных. «Фабалу» книги составляет история семьи Мелеховых в хуторе Тарасово. Это семейная история, как почти все на Дону. Биологическая сторона их жизни воспроизведена с непревзойденным мастерством. Любовь, ненависть, зависть, земля, жалость — все это человеческие вопросы. И все же нам кажется, что мы в первый раз читаем об этом... Наряду с казаками Шолохов ввел в повесть много типов из другой сферы. Все эти фигуры кулаются в блеске солнца и отражаются в водах Дона».

Касаясь «Цусимы» Новикова-Прибоя, автор статьи говорит, что, читая этот роман, вспоминаешь Кеселовата.

«Это тоже «Анабазис», — пишет он, — но не к победе, нацелая на которую обычно сопутствует каждому, даже самому слабому, войску, каждому флоту, выходящему в бой. Эпосом адмирала Рождественского с первой минуты существует уверенность в поражении... Дела этой крупной экспедиции описаны в этой повести со спокойствием, достойным изумления, с тактом и эстетической пластичностью одним из немногочисленных ее участников, участвовавших из

Художник Лабас. «Пейзаж».

битвы под Цусимой. Плава в Новиковым на «Орле», мы разделяем его симпатии, антипатии и опасения. Мы становимся друзьями Васи Дрозда, грязного палача Бакланова, ботмана Воеводина и особенно необычайно симпатичного, мудрого и благородного офицера, инженера Васильева. Мы любим старшего офицера Сидорова, лейтенанта Гирса, с уважением относимся к командиру «Орла» капитану первого ранга Юнгу. Но зато мы терпеть не можем мичмана Воробейчика, лейтенанта Вредного и всех меньших и больших морских садистов с Рождественским во главе. Мы солидаризируемся с каждым бунтом, который вспыхивал в эскадре. Привязываемых и третируемых моряков это паша кривда!».

Подробно Ю. Виттлин останавливается на «Тропе самураев» Рубинштейна:

«Рушилась Российская империя, в союзе с которой Япония воевала в 1914-18 гг. против немцев. Победосные корабли адмирала Того старели в доках, несоборные к бою. Выкарабкал участники войны 1904-5 гг. Власть в России принадлежала товарищам вбутованным морякам второй эскадры. Но не состоялся старый антагонизм Японии и России. Врагом японского микадо является не только русский царь, но и сам народ. Старая ненависть не уменьшилась. Страна расцветает она на той самой маньчжурской земле, где истекли кровью армии Куропаткина, Липевича и ген. Пога».

С 1904 г. в Европе росла легенда о японском солдате... Легенду разрабатывает «Тропа самураев» Рубинштейна. Это прекрасная и сжатая книжка уже иного рода, чем те, о которых мы говорили выше. Писал ее интеллигент. Это не эпопея, а

битвы под Цусимой. Плава в Новиковым на «Орле», мы разделяем его симпатии, антипатии и опасения. Мы становимся друзьями Васи Дрозда, грязного палача Бакланова, ботмана Воеводина и особенно необычайно симпатичного, мудрого и благородного офицера, инженера Васильева. Мы любим старшего офицера Сидорова, лейтенанта Гирса, с уважением относимся к командиру «Орла» капитану первого ранга Юнгу. Но зато мы терпеть не можем мичмана Воробейчика, лейтенанта Вредного и всех меньших и больших морских садистов с Рождественским во главе. Мы солидаризируемся с каждым бунтом, который вспыхивал в эскадре. Привязываемых и третируемых моряков это паша кривда!».

«Рушилась Российская империя, в союзе с которой Япония воевала в 1914-18 гг. против немцев. Победосные корабли адмирала Того старели в доках, несоборные к бою. Выкарабкал участники войны 1904-5 гг. Власть в России принадлежала товарищам вбутованным морякам второй эскадры. Но не состоялся старый антагонизм Японии и России. Врагом японского микадо является не только русский царь, но и сам народ. Старая ненависть не уменьшилась. Страна расцветает она на той самой маньчжурской земле, где истекли кровью армии Куропаткина, Липевича и ген. Пога».

«Все упомянутые книжки, — пишет далее Ю. Виттлин, — мы получили в очень хороших и добросовестных переводах. Первый и третий тома «Тихого Дона» перевел Андрей Станар, второй том — Валдай Рогович, «Цусима» — Владислав Броневский, а «Тропу самураев» — Галина Пиллюховская. Особого признания заслуживает работа Роговича и Броневского. Рогович мы знаем как прекрасного стилиста по его собственным произведениям и переводам с французского языка. В «Тихом Доне» обращает на себя внимание богатство и многообразие языка. Броневский оказался не только тонким переводчиком Беснина, мы ему обязаны не только прекрасными минутами чтения «Мертвых душ» на польском языке, — перевод «Цусимы» также изобличает в нем музыкального поэта, чуткого к ритму прозы и звучному многообразию слов».

ЭПОС БЕРТА БРЕХТА

Буржуазная критика, говоря о писателях, любит подчеркивать, что «пути таланта несовпадаемы».

В переводе на простой язык это обозначает, что писатель в своем творчестве свободен от классовых влияний, причем между строк этой формулы разрешается читать: конечно, от эти влияния испытывает, но проводит их так тонко и нежно, что как бы и не испытывает их совсем.

В отношении немецкого революционного писателя Берта Брехта («Эпические драмы», ГИХЛ, М., 1934) во всяком случае можно сказать, что «неисповедимым» влияниям буржуазной идеологии он предпочел совершенно явную связь своего творчества с идеологией пролетарской. Это не значит, конечно, что произведения Брехта выражают интересы рабочего класса в полной мере. До этого еще далеко. Но это значит, что Брехт умеет говорить всю правду в глаза буржуазии именно в такой момент, когда она совсем не расположена ее выслушивать.

Брехт — один из тех писателей, которые сейчас оказались за пределами фашистского «фатерлянда», причем за то, что он смеет за собой все мосты, фашисты сожгли на кострах все его книги.

Это «кустарь-одиночка», чисто голландским путем появившийся, что песенник капитализма спета. Начав свою литературную деятельность несколько «спинически», долгое время провозвизавшись около выгребных ям буржуазии, он пошел, что последняя неспособна ни на какое движение вперед.

В «Эпических драмах», переведенных С. Третьяковым, мы имеем последнее Брехта. Всего драм три: «Орлеанская дева скотобоен», «Мать» (по роману Горького) и «Высшая мера». Расположены они в книге в порядке обратной хронологии. В них дается условный Китай, условная Америка и вполне реальная Германия, скрытая под псевдонимом парской России. Восстанавливаем хронологию и начинаем с «Высшей меры».

Это самая острая, парадоксальная и спорная вещь книги. Она возникает на коммунистической теме и в наибольшей степени развертывает элементы того, что может быть названо «театром Брехта». Вместе с «Матерью» она является той своеобразной инструкцией, жанр которых уживается в творчестве Брехта с жанром пьес-пафосов. Так же как и «Орлеанская дева скотобоен», она является вещь, существующей на условном материале.

В пьесе этой, напоминающей судебную инсценировку, говорится о том, как в условиях нелегальной партийной работы «три агитатора», приехавшие в Китай (условный Китай-1920-24 гг.) для помощи и руководства, убий своего «юного товарища».

Убийли мотивированно и с его собственного согласия за то, что последний из идеалистически понятого чувства сострадания и справедливости допустил ряд ошибок, тяжчайшей из которых был призыв к преждевременному восстанию.

Агитаторы эти, являющиеся собственными прокурорами и защитниками, и даже больше защитниками, чем прокурорами, призваны в пьесе играть роль дискуссионных тезисов, которые можно либо принять, либо отвергнуть. В пьесе поведение «трех агитаторов» получает одобрение со стороны «хора», и, таким образом, учитывая, что «хор» является последней партийной инстанцией, что хор — это «слушали» — постановили, дискуссия кончается не в пользу «юного товарища».

Плутное дело, что записать пеликом этого «юного товарища», роль скоро ему придают многие черты чувствительного гуманиста и который строго говоря, является тем, что в споре называется ложной посылкой, очень трудно, но все же еще неизвестно, кто прав в случае с призывом к восстанию.

Потому что, если вместо условной обстановки подставить обстановку в какой-нибудь реальной стране, а юного товарища сделать действительным коммунистом, — весьма возможно, что законченным революционером окажется именно последний, а «три агитатора» представят как оппортунисты. А вместе с ними этой же участи может подвергнуться и «хор», который в своих «председательских резюме» еще усиливает выводы «трех агитаторов», давая среди правильных и революционных советов также и неверные. Например: «Правду говорить — и не говорить правду»; «Пиршество с палачами. Но мир изменит».

Порок этой пьесы, как вообще пороков метода Брехта, в том, что он чересчур полагается на силу чистой логики, с помощью которой он с блеском и виртуозностью умеет громить буржуазию ее же оружием и на ее же территории, но с помощью которой еще нельзя построить произведения для людей нового класса. Ибо акты революционного действия — это такая вещь, оценка которой вне реальной и совершенно конкретной обстановки немаловажна, как бессмысленны и одинаковы для всех действий рецензент. Брехт подошел к фактам революционного действия как к логическим категориям, минуя многообразие конкретной революционной ситуации — и пьеса его превратилась в логический фокус.

Это тем более жаль, что пьеса не лишена подлинного революционного пафоса и написана почти с таким же мастерством, с каким Маяковский писал свои агитационные стихи. Особенно хороши в ней такие песни,

как «Хвала нелегальной работе» и особенно «Хвала партии» — типично брехтовского построения, сыгравшая революционизирующую роль:

У одиночки два глаза,
Партия — тысячаглаз,
Партия видит народы,
Одиночка видит лишь свой квартал.

Одиночка знает свою секунду,
А партия знает дни и годы.

Брехт называет свои пьесы «эпическими драмами» и называет не без основания. Это и в самом деле эпос, только в форме диалога. Это повествование, оформленное как прения сторон. Это разговор, кончающийся председателем резюме. Единичней этого эпоса является баллада, и прав Паскатор, который считает каждую пьесу Брехта «драматизированной балладой». Баллада эта развертывается на сцене приемами, идущими от дискуссии и судебного разбирательства. И, наоборот, каждая из пьес может быть сведена к первичному своему виду: балладе.

Пользуясь таким образом, мы будем иметь в книге «Балладу о нелегальной работе» («Высшая мера»), «Балладу о революционерке» («Мать») и «Балладу о кризисе и буржуазном ханжестве» («Орлеанская дева скотобоен»).

О первой мы уже говорили. Вторая из них — «Мать» является пьесой, в наибольшей степени построенной на реальном материале. В ней сквозь действующие лица с русскими фамилиями проглядывает хорошо известная Брехту немецкая действительность. «Роте Фане» хвалила в свое время эту пьесу за то, что она накапливает революционную энергию. Это и в самом деле наиболее действенная пьеса Брехта, но поскольку она базируется, хотя и в отдаленной степени, на горьковском тексте, ее нельзя считать наиболее характерной для Брехта.

Зато третья пьеса книги «Орлеанская дева скотобоен» не может быть названа иначе, как типично брехтовской. В обстановке безудержной буржуазной спекуляции, описанной саркастически, сильно и «с яростью», Брехт в лице своего главного героя Маулера дал в пьесе своеобразного классного Наполеона, «страсть к правды которого неукротима», и одновременно законченного ханжу, расстреливающего безработных под библейские тексты. Это капиталист, ищущий на любую гнусность и на любую кровь, и в то же время это человек, о котором говорят: «Чувствительнее нет помойной ямы».

То повизывая, то понижая цену на мясо, разорив всех конкурентов, скунив «все свиновидное, быкоподобное, овцеобразное» и, по собственным словам, «завалив себе на шею все мясо мира», он под ударами кризиса терпит крах и «сунист позла» лишь в тот момент, когда успевает организовать новый трест на

типичных для современного капитализма условиях: предварительно уничтожив одну треть продукции, уволив с боен одну треть рабочих и уменьшив остальным на одну треть зарплату.

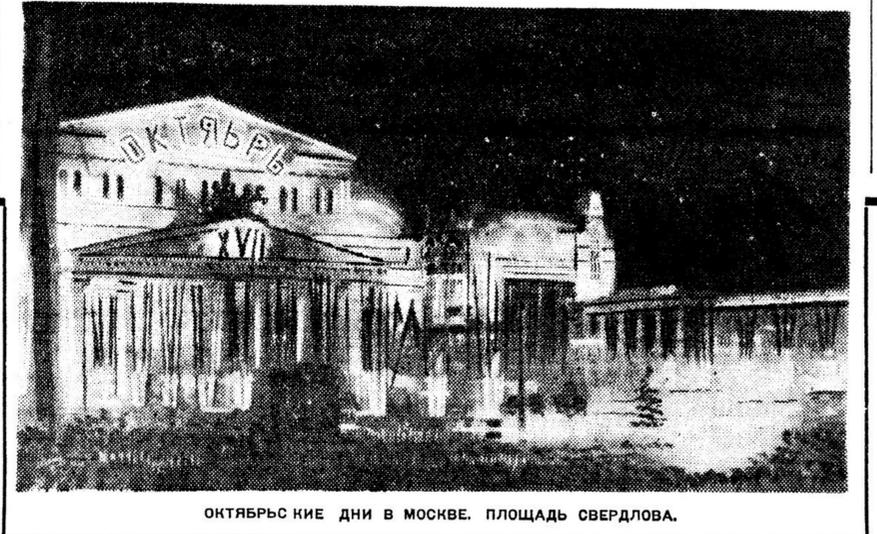
Нельзя сказать, чтобы изображение подобных капиталистов было новостью, но Брехт как литературное явление именно так и начинается, где является возможность дать резкую «совесть» такого персонажа и вообще раскрыть до конца существование этой «помойной ямы».

Сделавшись на некоторое время Гомером спекуляций и банкротств, дав в лице Маулера как бы геометрическую формулу разбоя, он становится не менее превосходным Овием буржуазного ханжества, вводя в пьесу в лице Иоанна из общины «Черные капоры» простоватую и честную американскую реформистку. Последняя вращает своими разговорами Маулера как раз в то время, когда он «болеет» совестью. В показанной этой Иоанне «нижности» бедных она увидела лишь «бедность бедных», но зато не увидела нарастающей революционности этих «бедных». И в этом смысле оказалась менее дальновидна, чем даже Маулер, который, зная, что время работает на пролетариат, пророчески воскликнул: «Никто, никто из нас в постели не умрет». Когда же, наконец, прозрела и Иоанна, попы заткнули ей рот.

Значение «Орлеанской девы скотобоен» поднимается, таким образом, до значения антирелигиозной и антикапиталистической пьесы, но возмрат в ней автора к работе над условным материалом и к фехтованию абстракциями несколько снижает его значение. Вне условного материала метод Брехта все же начинает давать перебои. Способности обращать пьесу в логический фокус и приносить непоторимые условия реальной борьбы в жертву того или иного рога того силлогизма немаловажной претерзкой стоит на пути Брехта. Поэтому не случайно, что основная сила мира — пролетариат — у него не дифференцирована. Он не виделся и не чувствовался в жизни рабочих. Онп для него «чистые листы», на которых революция пишет свое историческое. И неудивительно, что в данной пьесе Брехт орудет либо сразу «70 тысяч рабочих» либо затеет их в переписании: первый, второй, третий.

Саяая тема кризиса привлекла писателя не только потому, что здесь «кного крови», в притом разбрызганной, обманывающей Брехта к протесту, но и потому, что здесь «душно пахнет», т. е. здесь есть элемент того «спинического» Брехта, который привык отпущать свои сарказмы около выгребных ям капитализма.

Все это говорит только о том, что путь от Брехта-софиста тончайшей резьбы к Брехту-революционеру — вовсе не легкий путь, но решимость писателя, принятая им еще «под злыми дулами капиталистов», двгаться в своей работе не в рамках мировоззрения работодателя, а против мировоззрения работодателя, заставляет нас ждать, что путь этот в конце концов увенчается успехом.
П. НЕЗНАМОВ.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ. ПЛОЩАДЬ СВЕРДЛОВА.

НА ПОДСТУПАХ К ОКТАБРЮ ПРОЛЕТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭПОХИ „ЗВЕЗДЫ“ И „ПРАВДЫ“

«Звезда» и «Правда» не только внесли одну из богатейших страниц в историю революционной борьбы нашей большевистской партии и русского рабочего класса, но ознаменовали собой целый этап в развитии пролетарской поэзии.

Однако надо сказать, что этот этап, как, впрочем, и вся дооктябрьская пролетарская литература, является одним из слабых участков нашего советского литературоведения.

Появившиеся в печати работы, в частности статьи Вфремина о поэзии дооктябрьской «Правды», никак не восполняют отмеченного пробела, ибо представляют собой лишь поверхностный перечень имен поэтов с указанием некоторых биографических данных и не только не решают, но даже и вовсе не ставят основных проблем самой поэзии.

Между тем этот материал представляет огромный интерес, и многие в нем поучительные для нашей современности.

Стихи и песни всегда числились в ряду весьма действенных орудий революционной пропаганды, а в годы издания первых легальных большевистских газет роль поэзии была особенно велика. Смысл и значение ее находились в тесной и неразрывной связи с теми функциями, которые выполняла рабочая печать того времени, создавая и руководящая войсками большевистской партии Ленин и Сталин.

Поэзия, которая находит место на страницах «Звезды». Начав с абстрактной унылой лирики, поэты «Звезды», под влиянием оживления рабочего движения, обогащаясь новым идейным содержанием. Уныние и апатия первого периода сменяются агитацией за идеи революции, стремлением к воспитанию смелого отважного борца за нее. Выдвигаются новые темы, темы рабочей жизни, поэзия в ее последующем развитии: поэт должен был стать передовым бойцом за новый мир.

В это время пролетариат уже имеет своих представителей в области художественной литературы. Творчество Демьяна Бедного на страницах «Правды» приобретает особую политическую остроту.

В соответствии с общим характером газеты наиболее широкое развитие получила в «Правде» жанр агитационной поэзии, в котором ведущую роль играет Басня Демьяна Бедного. Находясь в неразрывном и непосредственном единстве с политической реальностью, басня на страницах «Правды» вскрывала в образной конкретно ошутимой форме понятным для масс языком язык буржуазно-помпешней третейской системы.

Первые выступают в «Правде» такие авторы, как Самойлович, Поморский, Я. Бердников, И. Логиннов, И. Филиппенко и др. Большинство из них были активными участниками революционного движения. Все эти поэты заговорили сразу бодрым голосом и выступили агитаторами идей революции. Они выдвигают новое понимание задач искусства и поэта, которое вошло в арсенал нашей поэзии в ее последующем развитии: поэт должен был стать передовым бойцом за новый мир.

В это время пролетариат уже имеет своих представителей в области художественной литературы. Творчество Демьяна Бедного на страницах «Правды» приобретает особую политическую остроту. В соответствии с общим характером газеты наиболее широкое развитие получила в «Правде» жанр агитационной поэзии, в котором ведущую роль играет Басня Демьяна Бедного. Находясь в неразрывном и непосредственном единстве с политической реальностью, басня на страницах «Правды» вскрывала в образной конкретно ошутимой форме понятным для масс языком язык буржуазно-помпешней третейской системы. Роль Демьяна Бедного в создании доореволюционной пролетарской сатиры достаточно выяснена. Влияние Демьяна Бедного распространялось широко. Сатирические фельетоны писались многими авторами. В числе их Сыромопотов (Зитаг), Тит Подольский, А. Сергеев и мн. др. В сатирических фельетонах, богато палочными политическими мотивами, выступают образы политически вождя различных буржуазных партий: все эти Милоковы, Гучковы, Макла-

ков, Шингаревы и пр. Целый поток фельетонов был направлен против левых интеллигентов.

Борьба против сперхуторных работ, против штрейкбрехтерства, против предателей из среды самих рабочих, борьба с бытовым разложением, пьянством — все это входило в задачи рабочей большевистской газеты. И поэзия ее делалась была связана со всеми этими вопросами, о чем красноречиво свидетельствуют самые аглывая стихи, в которых мы находим призывы к организованности и сплоченности: «Вступай в союз», «Рабочая солидарность», «В сакасу», «Страховка», «Работникам», «Товарищам хитерам», «Рабочим-колбасникам», «Труженику правая», «Мониторинку», «Металлисту», «Песня рабочих», «Народный учитель». Не всегда и не всякая статья могла быть такое яркое, содержательное и доступное описание положения рабочих, какое мы находим в стихах. Опять-таки аглывая стихов характеризуют круг интересов и содержание их: «Завод», «Фабрика», «Шахта», «Тригофари», «По гудку», «Труд», «На песен труд», «Ночная смена», «Железо», «Спуск в шахту», «Утро на фабри-

ке», «Песня кузнеца», «Песня наборщика», «Токарь», «Палычник», «Накладчик», «Вулочник», «Жизнь тележера» и т. д. и т. п.

Справедливый труд не мог быть темой поэзии прошлого, ибо его не было и в жизни, напротив, труд существует здесь как проклятие, как контраст рядом с довольством и правдой жизни.

Однако покаа-тельно уже и то, что на страницах политической газеты рабочего класса выковывается новое отношение к труду. Труд как организатор, фабрика как воспитательница коллективизма в рабочем классе, как коллектив сознания пролетариата, т. е. е те элементы, которые вошли уже в нашу поэзию после революции, были в зародыше свойственны поэтам «Правды».

Не всегда в этих стихах авторы доходили до глубокого осмысления всех противоречий, до понимания революционных задач класса. Однако самый факт обозначения плугубых условий существования рабочего класса при капитализме и выражение недовольства им были огромным шагом по пути революционизирования масс.

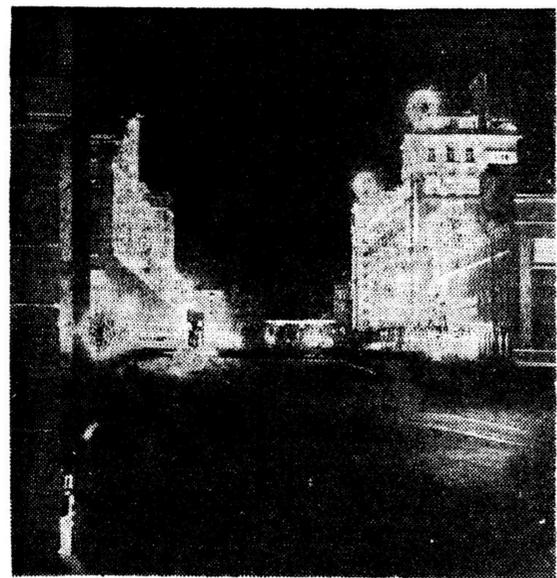
Осознание своей мощи, своей силы и своей организованности осощает поэзия пролетариата бодрость и живелальность. Основной чертой поэзии на страницах «Правды» и является пафс активности, что ярко отражается во всех жанрах.

В простых и искренних словах можно увидеть огромный рост революционного самосознания масс. В «Правде» весьма широко была поставлена агитационная поэзия, в которой мы находим широкое освещение политических вопросов и вопросов производственной жизни рабочего класса. Однако не менее интересна лирика, правда, она еще и еще раз развивает толки о том, что политика и лирика никак не совместимы и что вообще пролетариату, особенно в период его борьбы за власть, не может быть свойственна лирика. Совершенно очевидно, конечно, что лирика пролетариата неслась в себе новое качество. Она отражала мысли и настроения пролетариата в период его перехода в наступление. Ий были чудны какие бы то ни было бессмысленные настроения. Она насыщена пафосом активного восприятия мира. Мирные, сонные картины менее всего были уместны в то время, когда революционное движение подыло

на гребень многочисленных слоев рабочего класса, гегемона движения, а также и другие слои общества, крестьянство и городское трудовое население. В соответствии с этим создаются картины морских прибоев, грозные разъяренные волны, ищущих простора, и т. п. Или же образы отважных борцов со стихией, все эти пловцы, рыбаки, преодолевающие всеческие препятствия и достигшие желанных целей. Однако нельзя никак забывать, что в формальном отношении поэзия того времени была слаба. И никак нельзя отрицать преимуществ формального мастерства представителей буржуазного декаданса. Последние дошли до болезненного интереса к форме, так как исчерпали свое внутреннее идейное содержание. Отсюда пренебрежение к конкретному значению слова и стремление найти неожиданное не по линии смысла, а по линии звучания. Понятное дело, эта поэзия не могла сослужить службу пролетариату в его освободительной борьбе, и, несмотря на недостатки формы, перевес в перспективе и значении был на стороне тех, кто шел по пути приближения поэзии к жизни и подчинения ее революционным задачам пролетариата.

И здесь вполне уместно вспомнить слова А. М. Горького, который являлся собирателем пролетарских литературных сил, в частности поэтов и писателей «Правды». В известном предисловии к первому «Сборнику пролетарских писателей» (1914 г.), куда вошли произведения, печатавшиеся ранее в «Звезде» и «Правде», Горький писал: «Профессиональный литератор, я, может быть, был более ревко, чем вы, чужую технику недостатков прозы и стихов собираю, но мне кажется, что смысл выданная этой книжки вы должны почувствовать сильнее меня».

А. ЦАГОЛОВА.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ. ОХОТНЫЙ РЯД.

Книги

„Свежая борозда“

«Свежая борозда» относится к серии книг, отражающих борьбу полководцев за большевистские коммуны. Автор, работавший уполномоченным Ильинской МТС Калининского района Московской области собрал свои заметки, наблюдения и напечатал отдельной книжкой. Основной задачей книги автор ставит: «показать работы полководцев, его мнения на колхозную работу, на жизнь, быт, попкушку колхозника».

А. Завалишин выбрал форму дневника, запись полководцев, в которых даются «хронология события», описание борьбы за сверхранний большевистский сев.

В лице начальника полкостроения Табокова автор выдвигает образ большевика-партизана, организатора сверхранного сева, однако здесь А. Завалишин пошел по линии наименьшего сопротивления.

Начальник полкостроения изображается как необычайно суровый, аскетический человек, занятый исключительно общественной работой, деловыми разговорами по телефону. Он принимает рапорты, отдает приказания и т. п., но не раскрывает как человек с определенной индивидуальностью.

Краски в описании героя очень бледны, одноцветны. «Табоков скалды», «Табоков спросил», «Буржуй Табоков» и т. п.

„Деды“

Иван Седых в первой части своего романа «Деды» дает картину жизни промышленной и торговой буржуазии Урала. Собственность, деньги, эксплуатация — вот три «ската», на которых построена жизнь персонажей романа. Каждый из них имеет в своем характере своеобразные черты, различные образы индивидуализированы. Однако весь роман своден к одному клеветному уговору.

Перед читателем проходят колоритные фигуры: охотница Ватия, княгиня Инокентьевна — дельца большого масштаба, предательница Жербова и Николая Почечина, трагичный дельца, когда запачкается, и «горсть», сколько захочется».

Все эти буржуазные ослепленные европейской культурой, но по существу они полны пошлости и невежества и строят свое благополучие на полупролетарских методах грабежа.

Иван Седых в первой книге романа находит настоящие слова и образы для показа прошлого российской буржуазии, своеобразных форм ее развала, ее быта и внутреннего мира. Фигуры буржуазии выписаны живыми и убедительными.

Однако в романе отрицательно отражается то, что он чересчур перегружен действующими лицами. Это мешает читателю сосредоточиться и полностью воспринять основную линию романа.

Язык Седых несколько тяжел и неэкономичен.

М. КУПЧЕНКО

В конце второй недели Петру сообщили, что первая горячая посылка угля пришла и она может отправиться в путь.

В полночь он распевавшись со стрелочником и вышел из дачного домика, сопровождаемого от стражи. Из 3-й книги романа «Последний из уюда».

А. Фадеев

Прощание с матерью

Два недели Петр Сурков скрывался в домике знакомого стрелочника на Второй Речке. В городе его знал каждый мальчишка. Фотографии его с подробным описанием примет были разосланы по всем контрабандкам. У него не было никакой возможности изменить внешность, так как не только в городе, но, должно быть, во всей области не было человека, фигурирующего сколько-нибудь пологого на него: при среднем росте он был так немаловысок, в плечах, что казался квадратным и вдобавок ко всему прихрамывал.

Все дни его не оставила мысль о матери. В последний раз он виделся с ней за несколько недель до чешского переворота. Помня, что он предлагал ей перебраться в новую квартиру — «комиссарскую» — квартиру, а мать все отшучивалась, да так и не перебралась. В тюрьме он узнал, что она уволена с работы и безденежна. Он ничем не мог помочь ей. Ему хотелось хоть проститься с ней перед уходом к партизанам, но и проститься нельзя было: хибарка матери находилась под наблюдением.

Первая любовь Петра работала на конфектной фабрике. Она была лет на шесть старше его и знала много такое, что Петру до встречи с ней было неизвестно. Она любила его около года, а потом вышла замуж за пологого лудильщика самоваров, нарочно лудильщику кучу детей и сразу очень постарела и подурдела.

В бытность Петра военным комиссаром города он встретил первую свою любовь на улице и узнал, что она — более счастливая в браке, чем все остальные люди, и ему стало жестко и больно. Они пошли в городской сад на гуляние. Они катались на карусели, пили лимонад, потом он купил ей три лотерейных билета, и она выиграла шампунь для головы, но не хотела брать, потому что не знала, как объяснить мужу, где такое достала.

Конечно, ничего любовного уже не было между ними. Но у Петра осталось приятное грустное воспоминание об этом вечере, и ему захотелось еще раз прийти где-то возле ее и своей жизни.

Тяжело прихрамывая возле забора, он подошел к домику лудильщика и оставил на углу. Подвешенный к столбу фонарь качался, колеблемый ветром, и светлый круг от фонаря падал по смерзшей земле вперед и назад. Из образования с фонаря нижнего удвоенного окна, точно из-под земли, струился слабый свет: неясная тень двигалась в окне.

Петр боком привинулся к окну и резко взглянул — и глаза не отрывая.

Первая любовь его сидела у окна, выложив на подоконник большие, сцепленные в пальцах кисти рук. Возле, на подоконнике стоял в одной рубашонке худенький ребенок не более двух лет и возил ручонками по стеклу, точно ловил что-то. Ребенок,

СКОРЕЙ ЗАКРОЙТЕ КНИГУ!

О «проблеме перевода», о его качестве, о его культуре говорят много, красноречиво и страстно. Даются пламенные и обширные... Кто-то «клется».

Читатель улыбается. Он знает цену многим словам и перестает верить. Да и как же верить ему, этому многострадальному читателю, когда он может прочесть вышеследующее: «Маленький городок с солидными градом в прошлом: он похитил когда-то грядущую музу ребенка и отдал ее будущему павлину».

Он смеется и закрывает книгу. Снежок встает в горле. Злой отпад не востанет смех. Снежок? Но во всей этой только что прочитанной фразе нет ничего веселого. Ничего веселого кроме неграмотности переводчика. Каждый советский школьник сможет подтвердить это в редакции журнала «30 дней». Для этого не требуется ни высшего образования, ни «критической проницательности» ни знания советского писателя. Требуется элементарная грамотность.

Переводчик А. Поповский, «творчество» которого принадлежит литературной «веселой» читателя, — мрачный человек. Его перо убойно. Он хмуро пишет: «Единственные два поэма, одиннадцать и одиннадцатые, сделали уже свое дело: встретились, разошлись и дымом на чертмиг об этом по небу».

Переводчик хмуро «режет» автора. Редактор «30 дней» спокойно ставит в «В печать», и селевой номер журнала с новеллой Давида Берельсона «В день будничных» выходит в свет. Будничные! Что если мелочнейшие переживания, чужды, которых в политике может смутить само терминологическое прилагательное, одному из крупнейших европейских писателей мира? Что тогда?

Имя Д. Берельсона широко известно за границей. Д. Берельсон переведен на многие языки. Его прозу может гордиться еврейская литература. Это известно специалистам, но это неизвестно советскому читателю, на знакомство с которым автор романа «У Днепра» имеет полное право. Между автором и читателем становится переводчик.

Д. Берельсон может не унывать: он не одинок, у него есть товарищи по несчастью.

Горькая радость! Горькая, как польский, и неудобоваримая, как некоторые переводы с языков народов СССР.

«Скрупулезная» радость! Такая же, как «скрупулезная» геометрическая тавтология переводчиков Г. Сталка, твердо уверенной в том, что «свобода», «шпалами» и «фухер» — русские слова. Читатель в этом сомневается. Он растерянно закрывает книжку «Украинские прозы», изданной ГИХЛ в 1934 г.

Он прав, наш читатель: книжку следует не читать, а закрыть, опустить ее в дальний ящик стога, охраняемый, как неведомая потрясающая безграмотности «Параболам грамматики и синтаксиса» (стр. 159).

Г. Сталка, представившая в книге «Украинские прозы» четыре перевода — головокружителей и почти безобразных. При чтении рассказа А. Полторакского (4), переведенного Г. Сталкой, читатель испытывает голое возмущение.

Г. Сталка безобразна. С безмерной скромностью и лаконичностью она пишет: «Петр отдал месячную работу для того, чтобы уплыть с крестов сельского владения на землю».

Читал ли редактор рукопись, читал ли он границы и верстку, прежде чем дать свое подписание? Хотелось бы думать, что нет, не читал. Так было бы во всяком случае «лучше» для редактора Тарасова. Ибо что же может сказать в свое оправдание грамотный редактор о столь заметных ошибках?

Поговорим об именах. На основании чего редактором В. Тарасовом присвоены себе права заговора? Кто дал ему право без публикации в «Известиях» и без согласия заинтересованных лиц простыми рожденьем пера менять имена и фамилии? Знает ли В. Тарасов, что Полторакский, названный в книге Александром, носит имя Алексея? И почему проф. Бельский переименовал в Биецкого (стр. 204), а Марьямов — в Марьянова (стр. 161)?

Досадные «курьюры»!

теплой фразе: «Проконтрольрованным, проанализированным, зарегистрированным, выверенным и испробованным, Петр стоит вновь перед столом комиссии».

Что значит загадочное «испробованным»? Русский ли это язык вообще? Грамотно ли это для обыкновенного школьника?

Быть может, т. Тарасов сможет ответить нам на эти вопросы? Читатель отказывается.

Г. Сталка любит ошарашивать читателя повитыми открытиями. Редактор не протестует. Он всецело согласен с переводчицей.

«Открытие» Г. Сталка могут назвать любого ребенка. Изумить и вызвать горячий протест.

Г. Сталка утверждает, что врачи во время медицинского осмотра «тычут» своему пациенту «в ребра стеклами».

Вы не верите? Пустое! Читайте. «На следующий день он стоит перед столом приемочной комиссии. Доктора тычут ему в ребра стеклами».

Подвергался ли редактор и переводчица когда-нибудь медицинскому осмотру? Вероятно, — да. Видели ли они когда-нибудь что-либо подобное? Сомнительно. Зачем же путать читателя?

Малодушный читатель жалобным голосом вскрикает: «доложить!».

Но Г. Сталка и П. Тарасов немолчаливы. У них крепкие нервы и они любят пафос. Этот «пафос» немого непонятен, но зато великодушен.

«Врач — о, профессиональная привычка оптичного человеческого тела! Почему врач — «оптичного человеческого тела»?

Читатель устал от упрямления Г. Сталка, Поповского и иже с ними. Читатель решительно протестует против абзацев подобного рода: «Для него теперь был получен уже импульс изобретательства, толкавший работников на усовершенствования. была иона фигура самого Тимошенко, особенно как-то наполнявшего своим длинным и неуловимым телом весь огромный кабинет бывшего владельца, потому что, разогнавшись, Тимошенко метался от стены к стене и переходил с потолка на громкие восклицания, как человек, у которого напряжены все нервы».

(Перевод Г. Сталка «Тиншер» А. Марьямова). Это же не фраза, а припадок эпилепсии.

«Ой шпалам! Ой фушер!» — как говорит Г. Сталка.

Жаль «Украинскую прозу». Жаль читателя и писателя. Они долготерпеливы, но все же бывает вопль.

Об этом нужно было бы прочитать в только В. Тарасову. **РАЛОВ**.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ. ГОСТИНИЦА МОСКОВЕТА.

Петр вообразил по невысокому здесь обрыку и осторожно выглянул.

Хибарка стояла нелепо в десятке перед ним. Окна были занавешены чем-то белым. На пыльном окне вошел на крыльцо и приложив ухо к двери; все было тихо. Он навалился на переступил порог.

Его обдал запах испарений от стирального белья. Дыхание с грязной мыльной воле стояла на скамье. В корыте возле скамьи лежало выкрученное белье. Мыльные лужи растекались по полу.

Мать, красная, в нижней сорочке, сидела возле стола, опустив голову, расставив тонкие, с опухшими веками, ноги. Неопытная бутылка самогона, стакан, тарелка с кислой папушкой стояли возле на столе. Мать вскинула голову и установилась на сына непонимающими красными глазами. И вдруг сразу потрещала, и одновременно выражение жуткого, радости и виноватости появилось на ее лице.

Она грустно навалилась рукой на стол, пытаясь встать, и кажется навзвала Петра по имени, но он уже кинулся к ней и, охватив ее голову большими своими ладонями, крепко прижал ее к груди.

Мать плакала, сотрясаемая головой на его груди, а он большой своей ладонью молча гладила и гладила ее волосы. Что-то так давило ему горло, что, если бы он попытался произнести хоть слово, из гортанного вырвались бы такие звуки, от которых ему самому стало бы страшно.

Петром овладел собой и, держа голову матери обеими руками, отстранял ее от себя и некоторое время молча смотрел на ее заплаканное лицо.

— Ну что ж плакать? — сказал он наконец, пытаясь улыбнуться. — Ну вышла, и все. Чего ж плакать? Давай и я вышло на радость...

Он быстро вынул остатки самогона в стакан и залпом выпил. — Так, что ли, папаша учил? — сказал он, неестественно смеясь. — А ты все плачешь. Не плачь... — Да разве я за себя. Петенька? Об тебе плачу, — всхлинув, сказала она, и теплая ласковая улыбка появилась на ее лице.

— А что ж обо мне плакать? Я живу, как видишь. — Так что ж ты не упрел, что пришел, я хоть прибралась бы! — Она снова грустно оперлась рукой о стол, пытаясь встать, и он снова, охватив ее голову, удержал ее. — И ведь не надо, к тебе... И теперь, знаешь, куда? Я буду в ямове тут под городом жить. Да ты

„УЖЕ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ“

Главу о событиях 25 октября 1917 года Маяковский заочитывает строфу:

Дун, как всегда, октябрь ветрами.

Рельсы по мосту выживая, гоню само продолжали трамы уже — при социализме.

(«ХОРОШО», гл. 6)

Эта великодушная гипербола с предельной силой выглаживает историческую значимость великой Октябрьской революции. «Реалист» сказал бы: «Социализм еще нет, — предстоит еще долгая борьба». «Романтик» сказал бы: «Социализм будет потому что мы победили». А Маяковский говорит: «Социализм уже есть, потому что сегодня началось новое летоисчисление мира».

Прошло семнадцать лет. Люди, родившиеся накануне лет назад, родившиеся «уже при социализме», стали сознательными гражданами Советского союза. Это факт колоссального значения. Мы его во многом недооцениваем, не создаем огромной правды патристической гиперболы Маяковского.

Несколько случайно забредшее в литературу лицо на вопрос, что такое советская литература, не залуясь ответил: «Советская литература — это десяток, два хороших писателя. Остальное не существует».

Мысль важная, но она многим пришлась по вкусу.

Она понравилась тем писателям, которые самоуверенно причисляли себя к этому «десятку, два». Они горделиво поглядывали друг на друга и говорили: «Советская литература — это мы».

Ободряли эту мысль те читатели, которые любят читать хорошие книги, но которым совершенно безразлично, что нужно делать, чтобы эти «хорошие» книги рождались.

Очень образовались те редакторы и писатели, которым воззвать с еще не выжившими писателями, разыскивать их, помогать, поощрять. Гораздо проше и безответственной иесть дело с десятком апробированных имен, которые и суть советская литература.

Начиная мысль была подвешена и укреплена.

Между выжившими и не выжившими писателями, между маститыми литераторами и начинающими писателями была проведена черта, разделившая литературу на две неравные части. И никакими товарищескими встречами эту черту стереть нельзя.

Ее можно и нужно стереть сотрудничеством.

Есть у нас группа крупных, влиятельных писателей. Очень разные люди, с своеобразными биографиями, с неодинаковой литературной судьбой. Есть среди них люди с некоторым революционным стажем, участники Октября и гражданской войны. Есть люди, пережившие революцию только «синхронно». Есть и такие, которые бежали от революции, но потом осознали ошибку и вернулись. Есть и такие, которые никуда не убежали, но мало что поняли и продолжают писать «как ни в чем не бывало».

Но у всех у них одна общая писательская черта: о чем бы они ни писали, они всегда пишут о себе. Всегда рассказывают о своей биографии, свои тревоги, свои «проклятые вопросы».

Бабель всегда рассказывает о том, как позорно быть интеллигентом. Олеша — о том, как мучительно человеку без романтики. Толстой, даже когда пишет о Петре, решает «проклятый» вопрос об оправдании неизбежных жертв революционного строительства. Аренбург энергично доказывает себе и другим, что бывшая грязь не мешает пробиваться росткам будущего. Настеряк все переживает философствует над противоречиями сознания и бытия.

Они очень хорошие писатели. Их читают с увлечением. Их переводят на иностранные языки. Их литературная молодежь, «начинающие», из всех сил стараются быть на них похожими.

Но «начинающие» — это те, которые родились «уже при социализме». У них совсем другая биография — много проше, гораздо менее «красочная», без прежних «проклятых вопросов», с новыми проблемами, но совсем другого характера. Откуда им взять материал для своих «биографических» повестей, стихов и романов? Они начинают приписывать себе традиции, которых они никогда не переживали, и сомнения, которыми ни-

когда не терпелись. Они завидуют людям с «интересными» биографиями. Отсюда повышенное внимание к пережившимся беспрозорным и преступникам.

Многие кажется, что литература всегда автобиографична, что иной она и быть не может. Это неверно. Это грубая ошибка. Это литература встаршего дня.

Проблемы, которые волнуют людей, родившихся «уже при социализме», не похожи на проблемы, которыми взошли писатели философской автобиографии. И напрасно глумят Олеша, что вспоминала о собственной молодости помогут ему понять молодость наших комсомольцев. Это разные молодости.

Олеша и другие философствуют, «как утвердить мир в своем сознании», а комсомолец-активист глумится и решает. «Как утвердить свое сознание в мире». Вторая проблема много сложнее первой, и чтобы ее решить, недостаточно одной автобиографии.

Говорят, что у этих писателей мало ярких героев. Это естественно. Как во всякой автобиографии, литературный герой большинства повестей и романов — сам автор. Остальные только световые.

Такая литература законна. Но для своего времени. Молодые писатели не «начинающие» будут писать иначе.

Они будут писать о людях и о событиях по-разному, каждый по-своему, с своей точки зрения, но будут писать о людях и о событиях, а не только о себе.

Когда мы читаем «Конарию» Бабеля, мы мало что узнаем о Конарии, но многое узнаем о Бабеле. Когда мы читаем «Строгого юношу», облик комсомольца не становится ясней, но облик Олешки проясняется в достояточной мере.

Говорят, что литература — это познание через образы. Но познание чего? Если только личности автора, то это вполне не то, что нужно читателю из родившихся «уже при социализме».

На «языке писателей» раздался призыв: «Нужно держать». К кому обращен этот призыв? Если бы ко всем нашим писателям. Многие из них уже вполне выжились, уже «дерзнули».

Призыв, несомненно, адресован в первую очередь к тем, которые еще не стали настоящими писателями, которые еще только «начинающие», которые должны еще «дерзнуть».

И смысл этого призыва ясен. Он призывает литературную молодежь не следовать рабски установившимся литературным традициям, а тщательно прочитать и изучить литературу встаршего и позорного дня, оценить ее по достоинству, но твердо и дерзко сказать себе: «Все это не то и не так. Не об этом нужно сейчас писать, и писать нужно по-новому».

Есть, конечно разного типа «начинающие». Есть такие, для которых вся амбиция в том, чтобы написать книжку, похожую на прочитанные. Есть такие, которых интересует не литература, а почетное знание писателя. Есть и такие молодые старички, которые искренно убеждены, что лучше и иначе, чем писали раньше, не напишешь. К нам всем призыв дерзать, разумеется, не относится.

Где же будущее советской литературы? Для меня нет сомнений. Оно там, среди людей, родившихся «уже при социализме», среди начинающих, которые дерзнут писать о новом и по-новому.

Им помогут те писатели (и не только писатели), для которых «проклятая» проблема бытия и сознания явнее уже решена революционной практикой социалистического строительства, которые видят и знают не только себя и свою биографию, но всю окружающую нас многообразную действительность.

О. М. БРИК.

Петр вообразил по невысокому здесь обрыку и осторожно выглянул. Хибарка стояла нелепо в десятке перед ним. Окна были занавешены чем-то белым. На пыльном окне вошел на крыльцо и приложив ухо к двери; все было тихо. Он навалился на переступил порог.

Его обдал запах испарений от стирального белья. Дыхание с грязной мыльной воле стояла на скамье. В корыте возле скамьи лежало выкрученное белье. Мыльные лужи растекались по полу.

Мать, красная, в нижней сорочке, сидела возле стола, опустив голову, расставив тонкие, с опухшими веками, ноги. Неопытная бутылка самогона, стакан, тарелка с кислой папушкой стояли возле на столе. Мать вскинула голову и установилась на сына непонимающими красными глазами. И вдруг сразу потрещала, и одновременно выражение жуткого, радости и виноватости появилось на ее лице.

Она грустно навалилась рукой на стол, пытаясь встать, и кажется навзвала Петра по имени, но он уже кинулся к ней и, охватив ее голову большими своими ладонями, крепко прижал ее к груди.

Мать плакала, сотрясаемая головой на его груди, а он большой своей ладонью молча гладила и гладила ее волосы. Что-то так давило ему горло, что, если бы он попытался произнести хоть слово, из гортанного вырвались бы такие звуки, от которых ему самому стало бы страшно.

Петром овладел собой и, держа голову матери обеими руками, отстранял ее от себя и некоторое время молча смотрел на ее заплаканное лицо.

— Ну что ж плакать? — сказал он наконец, пытаясь улыбнуться. — Ну вышла, и все. Чего ж плакать? Давай и я вышло на радость...

Он быстро вынул остатки самогона в стакан и залпом выпил. — Так, что ли, папаша учил? — сказал он, неестественно смеясь. — А ты все плачешь. Не плачь... — Да разве я за себя. Петенька? Об тебе плачу, — всхлинув, сказала она, и теплая ласковая улыбка появилась на ее лице.

— А что ж обо мне плакать? Я живу, как видишь. — Так что ж ты не упрел, что пришел, я хоть прибралась бы! — Она снова грустно оперлась рукой о стол, пытаясь встать, и он снова, охватив ее голову, удержал ее. — И ведь не надо, к тебе... И теперь, знаешь, куда? Я буду в ямове тут под городом жить. Да ты

Петр вообразил по невысокому здесь обрыку и осторожно выглянул. Хибарка стояла нелепо в десятке перед ним. Окна были занавешены чем-то белым. На пыльном окне вошел на крыльцо и приложив ухо к двери; все было тихо. Он навалился на переступил порог.

Его обдал запах испарений от стирального белья. Дыхание с грязной мыльной воле стояла на скамье. В корыте возле скамьи лежало выкрученное белье. Мыльные лужи растекались по полу.

Мать, красная, в нижней сорочке, сидела возле стола, опустив голову, расставив тонкие, с опухшими веками, ноги. Неопытная бутылка самогона, стакан, тарелка с кислой папушкой стояли возле на столе. Мать вскинула голову и установилась на сына непонимающими красными глазами. И вдруг сразу потрещала, и одновременно выражение жуткого, радости и виноватости появилось на ее лице.

Она грустно навалилась рукой на стол, пытаясь встать, и кажется навзвала Петра по имени, но он уже кинулся к ней и, охватив ее голову большими своими ладонями, крепко прижал ее к груди.

Мать плакала, сотрясаемая головой на его груди, а он большой своей ладонью молча гладила и гладила ее волосы. Что-то так давило ему горло, что, если бы он попытался произнести хоть слово, из гортанного вырвались бы такие звуки, от которых ему самому стало бы страшно.

Петром овладел собой и, держа голову матери обеими руками, отстранял ее от себя и некоторое время молча смотрел на ее заплаканное лицо.

— Ну что ж плакать? — сказал он наконец, пытаясь улыбнуться. — Ну вышла, и все. Чего ж плакать? Давай и я вышло на радость...

Он быстро вынул остатки самогона в стакан и залпом выпил. — Так, что ли, папаша учил? — сказал он, неестественно смеясь. — А ты все плачешь. Не плачь... — Да разве я за себя. Петенька? Об тебе плачу, — всхлинув, сказала она, и теплая ласковая улыбка появилась на ее лице.

— А что ж обо мне плакать? Я живу, как видишь. — Так что ж ты не упрел, что пришел, я хоть прибралась бы! — Она снова грустно оперлась рукой о стол, пытаясь встать, и он снова, охватив ее голову, удержал ее. — И ведь не надо, к тебе... И теперь, знаешь, куда? Я буду в ямове тут под городом жить. Да ты

Петр вообразил по невысокому здесь обрыку и осторожно выглянул. Хибарка стояла нелепо в десятке перед ним. Окна были занавешены чем-то белым. На пыльном окне вошел на крыльцо и приложив ухо к двери; все было тихо. Он навалился на переступил порог.

Его обдал запах испарений от стирального белья. Дыхание с грязной мыльной воле стояла на скамье. В корыте возле скамьи лежало выкрученное белье. Мыльные лужи растекались по полу.

Мать, красная, в нижней сорочке, сидела возле стола, опустив голову, расставив тонкие, с опухшими веками, ноги. Неопытная бутылка самогона, стакан, тарелка с кислой папушкой стояли возле на столе. Мать вскинула голову и установилась на сына непонимающими красными глазами. И вдруг сразу потрещала, и одновременно выражение жуткого, радости и виноватости появилось на ее лице.

Она грустно навалилась рукой на стол, пытаясь встать, и кажется навзвала Петра по имени, но он уже кинулся к ней и, охватив ее голову большими своими ладонями, крепко прижал ее к груди.

Мать плакала, сотрясаемая головой на его груди, а он большой своей ладонью молча гладила и гладила ее волосы. Что-то так давило ему горло, что, если бы он попытался произнести хоть слово, из гортанного вырвались бы такие звуки, от которых ему самому стало бы страшно.

Петром овладел собой и, держа голову матери обеими руками, отстранял ее от себя и некоторое время молча смотрел на ее заплаканное лицо.

— Ну что ж плакать? — сказал он наконец, пытаясь улыбнуться. — Ну вышла, и все. Чего ж плакать? Давай и я вышло на радость...

Он быстро вынул остатки самогона в стакан и залпом выпил. — Так, что ли, папаша учил? — сказал он, неестественно смеясь. — А ты все плачешь. Не плачь... — Да разве я за себя. Петенька? Об тебе плачу, — всхлинув, сказала она, и теплая ласковая улыбка появилась на ее лице.

— А что ж обо мне плакать? Я живу, как видишь. — Так что ж ты не упрел, что пришел, я хоть прибралась бы! — Она снова грустно оперлась рукой о стол, пытаясь встать, и он снова, охватив ее голову, удержал ее. — И ведь не надо, к тебе... И теперь, знаешь, куда? Я буду в ямове тут под городом жить. Да ты

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В МОСКВЕ. СКВЕР НА ПЛ. СВЕРДЛОВА.

